

ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОРОННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ЗАВОДСКОМ УСТАВЕ В. Н. ТАТИЩЕВА 1735 г.

В статье впервые рассматриваются вопросы истории изучения Заводского устава в отечественной литературе, доказывается безусловная принадлежность законопроекта В. Н. Татищеву, приводятся данные об обсуждении устава представителями заводской администрации, о дополнениях, внесенных при этом в текст. Впервые нормы Заводского устава рассматриваются с точки зрения документирования деятельности представителей коронной администрации казенных заводов Урала.

Ключевые слова: В. Н. Татищев, Урал, законодательный проект, казенные заводы, коронная администрация, документирование деятельности.

Заводской устав, разработанный В. Н. Татищевым в 1735 г., был опубликован в «Горном журнале» в 1831 г. членами ученого комитета по горной и соляной части [см.: Заводской устав]. В предисловии отмечалось, что устав был разработан по предписанию именной инструкции 1734 г., врученной Татищеву перед его отправкой на Урал в качестве начальника заводов (пункт 18): сочинить устав, для совета созвать самих промышленников или приказчиков и прислать к Е. И. В. для рассмотрения. В соответствии с этим повелением «Татищев, по прибытии в Екатеринбург, составил Комиссию для сочинения Устава, пригласив в сей город промышленников, приказчиков и других горных людей к 1 декабря 1734 г.». 12 декабря открылось первое заседание, сочинялся устав постепенно, все сочиненное «в каждое заседание приводилось в порядок и подписывалось всеми членами Комиссии». В ссылке уточняется, что рукописный экземпляр публикуемого устава подписали одни чиновники, приводится список из одиннадцати фамилий, начиная с Татищева, кончая подписавшим «однажды только» земским судьей Нееловым [Заводской устав, кн. 1, с. 1–2]. По сути, авторы публикации вслед за А. Ф. Дерябиным, первым сообщившим о нем [см.: Дерябин, с. 45–48], путают два разных документа: Горный устав, который именной инструкцией предписывалось разработать Татищеву вместе с промышленниками и их приказчиками для регулирования взаимоотношений между промышленниками, по поводу которого и было создано совещание 12 декабря 1734 г., и Заводской устав, регламентирующий права и обязанности должностных лиц коронной администрации казенных заводов, который Татищев составил по собственной инициативе.

По мнению авторов публикации, «сей Устав, если не весь писан самим Татищевым, то, по крайней мере, весь им исправлен»; они высоко оценивают содержание документа: «Устав Татищева, для того времени превосходный, согласенный с понятиями века, выгодами казны и частных людей, не получив Высочайшего утверждения, служил однако ж долгое время руководством для местных горных начальств; и даже до издания проекта Горного положения, для коего многое из сего Устава заимствовано» [Заводской устав, кн. 1, с. 3–5].

Н. А. Попов, называя Заводской устав Горным, затронул вопрос об источниках его составления, дал перечень всех его пунктов, кратко перечислил обязанности начальника заводов, отметил запрет словесных приказов, разве что «по малым делам», и то с требованием вносить их в дневальную книгу, особое внимание обратил на порядок подачи голосов при обсуждении вопросов в Канцелярии и ведении судебных дел. Н. А. Попов справедливо подметил, что «должность и власть» земского судьи «определены были уставом с замечательными для истории русского права и судопроизводства подробностями». Он дал высокую оценку этому документу: «горнозаводской устав Татищева, как первая попытка в этом роде, был удовлетворителен вдвойне, он отличался знанием тогдашних административных порядков... до некоторой степени был внимателен к местным особенностям края и временному состоянию его населения» [Попов, с. 144–149].

В 1953 г. М. А. Горловский и Н. И. Павленко опубликовали материалы совещаний уральских промышленников 1734–1736 гг. по обсуждению законопроектов Горного устава и отдельных статей Заводского устава, касавшихся промышленников [см.: Горловский, Павленко]. В монографии, посвященной истории управления промышленностью России, Н. И. Павленко отметил, что в Заводском уставе впервые была сделана попытка «обобщить накопленный опыт управления казенной горной промышленностью в едином законодательном акте и сформулировать права и обязанности всего учреждения», устав стал «документом большей значимости... ибо он распространял положения инструкции не на одно лицо (Татищева), а на все учреждение» [Павленко, с. 155]. По мнению А. Г. Козлова, наказ Татищева Неклюдову 1723 г. был включен в Заводской устав и «определил основные принципы организации управления различными частями производства не только для Екатеринбургского завода на весь период его существования (1723–1808), но и для других заводов Урала и Сибири» [Козлов, 1960, с. 17]. В другой работе автор отметил: «в 1734–1737 гг. под руководством В. Н. Татищева в Екатеринбурге работала особая Комиссия, которая сочинила проект сводного Горного и заводского устава» [Козлов,

1964, с. 70], то есть полагая тем самым, что не только Горный, но и Заводской устав составлялся коллегиально.

М. А. Киселев расценил разработку Заводского устава как фактическую попытку Татищева «провести реформу управления горной промышленности, создав на Урале центральный государственный орган». Если Павленко только предполагал, что Заводской и Горный уставы в конечном счете могли стать единым документом, то М. А. Киселев исходит из этого: поскольку Татищев сообщал в центр «“о первой и второй части”... становится понятно, что Татищев решил создать “сдвоенный” устав — “Заводской и горный”». Но в данном случае речь шла о двух частях Заводского устава. По мнению же Киселева, «Татищев фактически нарушил 18 пункт своей инструкции... Вместо одного предполагаемого “Горного устава” он решил создать сдвоенный “Заводской и Горный устав”, в котором должна была быть оформлена реформа управления горными заводами, усиливавшая, в том числе, и должностное положение самого В. Н. Татищева». При этом автор распространяет слова Татищева, относящиеся к обсуждению Горного устава («По 2 дни в седмицу собираемся, советуем и рассуждаем...»), и на Заводской устав, и полагает, что «при такой интенсивности работы над законопроектом... горные чиновники под руководством Татищева добились успехов: примерно за полгода (с декабря 1734 по июнь 1735) были сочинены вводная часть и 8 глав, состоящих из 170 пунктов и частей» [Киселев, с. 26–27].

Вопрос об авторстве Заводского устава в литературе не получил однозначной оценки. Никто из историков не рассматривал этот документ и с точки зрения регламентации организации делопроизводства при казенных заводах Урала. Этим двум вопросам мы и посвятим нашу статью, оставив на будущее вопрос об источниках составления Заводского устава и степени претворения в жизнь его норм.

30 мая 1735 г. Татищев отправил в столицу письмо, адресованное кабинету министров, в котором сообщил: «Устава часть некоторую я сочинил, а другое сочинять оставляю советнику Хрущову, чтоб без меня потрудились, иное возьму с собою и по досугу буду в езде делать... оное, что сделано, пришлю немедленно» [Сафронова, 1995, с. 46]. Татищев не мог иметь в виду ни Горный устав, содержание которого формировалось на заседаниях с промышленниками и их приказчиками, ни Наказ шихтмейстеру, точная датировка которого и дата отправки в кабинет министров была установлена на основе дневальной книги личной канцелярии Татищева и сообщения о его посылке министрам — 27 января 1735 г. [Там же, с. 42]. 26 июня 1735 г. первые восемь глав устава были отправлены на высочайшее рассмотрение и утверждение [Там же, с. 46].

Из-за упоминания фамилии Хрущева как будущего соавтора Татищева в написании Заводского устава возникает вопрос, какие же главы из опубликованного в 1831 г. документа были написаны Татищевым, а какие Хрущевым? Текстуальный анализ выявленного нами протокола заседания Канцелярии главного правления Казанских и Сибирских заводов за 21 мая 1735 г. позволяет однозначно утверждать: весь текст Заводского устава принадлежит исключительно Татищеву.

Протокольная запись под традиционной информацией о лицах, присутствовавших на заседании Канцелярии 21 мая, гласит: «при выходе действительный статский советник (Татищев. — *прим. авт.*) приказал собранным членам прочесть сочиненные главы, и что им будет сомнения, учинить примечание» [ГАСО, ф. 24, оп. 2, д. 220, л. 112]. В записи же о присутствовавших указано: Татищев приходил в 4 часа пополудни, видимо, чтобы сделать заявление о столь важном событии, и сразу же покинул помещение; с раннего утра с 7 до 12 часов трудился в Канцелярии Клеопин. Вечером же с 4 до 8 часов в слушаниях приняли участие бергмейстер Никифор Клеопин, глава Конторы судных и земских дел майор Михаил Миклашевский, ассессор Игнатий Рудаковский, главный казначей Константин Гордеев, заводские комиссары Тимофей Бурцев и Яков Бекетов, полицмейстер Екатеринбурга поручик Алексей Зубов. Все собравшиеся слушали Заводской устав, сочиненный Татищевым, на что прямо указывает протокол обсуждения этого документа, которое состоялось на следующий день, 22 мая 1735 г.

Присутствовали на обсуждении 22 мая те же лица и сам Татищев. Отмечено, что заседали с 6 часов вечера до 11 часов, Татищев и Клеопин слушали протоколы, «а в общем собрании слушали сочиненные главы Заводского устава и подписали». Далее перечислены все обсуждаемые главы [ГАСО, ф. 24, оп. 2, д. 220, л. 121–121 об.]. Это как раз восемь глав, опубликованных в 1831 г. в «Горном журнале», то есть указание Татищева в письме кабинет-министрам от 30 мая на дальнейшую работу над уставом Хрущева относилось только к последующим главам, которые должны были появиться в будущем, но, заметим, так и не были составлены.

Протокольная запись обсуждения Заводского устава позволяет точно определить, сколько пунктов имелось в каждой из восьми глав, написанных Татищевым, в какие главы были внесены изменения при обсуждении. К сожалению, не отмечено, кто конкретно из присутствующих внес поправки и какие, поэтому авторство поправок остается не установленным.

Судя по протоколу, все присутствующие сначала расписались под каждой заслушанной ими главой, а потом уже шло обсуждение и вносились изменения в текст. Были поставлены подписи под главой первой,

регламентировавшей права и обязанности начальника заводов, то есть самого Татищева: «подписали первой части первую главу о должности власти и преимуществе главного заводов правителя» (35 пунктов, на 20 листах); главу вторую, посвященную должности советника (семь пунктов, на двух листах), главу третью о должности асессора (один пункт, на одном листе); главу четвертую о должности земского судьи (43 пункта, на 20 листах); пятую о должности главного казначея (27 пунктов, на 20 листах); шестую о должности главного горного межевщика (15 пунктов, на шести листах); седьмую о докторе медицины (19 пунктов, на шести листах); второй части главу вторую «о должности заводского комиссара или обер-гитенфервальтера» (девять пунктов, на двух листах). Примечательно, что седьмую главу «О докторе медицины или берг-физики» подписал также доктор Гриф, англичанин, законтрактованный Татищевым в Москве в мае 1734 г., который не был перечислен среди присутствовавших на обсуждении, но, вероятно, приглашался для подписания.

Далее в протоколе констатируется: прибавлено к казначею два пункта, один лист, заводскому комиссару — два пункта «и та должность вся переписана и стала всего на четырех листах» [ГАСО, ф. 24, оп. 2, д. 220, л. 121–121 об.]. Действительно, глава, регламентировавшая обязанности заводского комиссара, в опубликованном виде вместо девяти пунктов имеет уже одиннадцать без какой-либо отметки о добавлении последних двух. Ясно, что было изменено и содержание предшествующих пунктов, поэтому и сказано в протоколе, что «та должность вся переписана».

В главе пятой, посвященной обязанностям главного казначея, при публикации текста после пункта 26 отмечено: «В дополнение Казначейской должности 5 главы под статью 6» и далее излагается текст статьи 7; «Под стат. 8, той же 5 главы имеет быть статья 9» и далее следует текст этой девятой статьи [Заводской устав, кн. 8, с. 149, 151]. Запись в протоколе проясняет причину и обстоятельства введения этих двух дополнений, выделенных при публикации. Ясно, что в нумерацию пунктов при отправке Заводского устава для апробации в центр, изменения не были внесены. Из-за спешки не проставлен заголовок первой части, вторая озаглавлена: «2 части». Если первая часть устава имеет семь глав, то вторая — лишь одну, вторую главу.

Судя по протоколу от 22 мая, советник Канцелярии А. Хрущов и главный межевщик И. Юдин отсутствовали на обсуждении устава: первый в это время осматривал пермские заводы, второй — пильные мельницы; по прибытии в Екатеринбург «те главы предложены были им к слушанию и, выслушав, по тому ж подписали», Юдин — 28 мая, А. Хрущов — 9 июня [ГАСО, ф. 24, оп. 2, д. 220, л. 121 об.].

Итак, Заводской устав регламентирует права и обязанности коронной администрации казенных заводов Урала и Сибири. Во введении к уставу Татищев кратко изложил историю горного управления в России. Все нормы Заводского устава формулируются от имени высшей императорской власти, поскольку Татищев надеялся, что после апробации Анной Иоанновной этот документ, как и Горный устав, станет законом.

Глава первая «О должности, власти и преимуществе Главного заводов Правителя, или Канцелярии» определяла полномочия начальника заводов. Как отмечалось в преамбуле, от имени императорской власти ему вручались все заводы и горные промыслы «со всеми без выключения принадлежащими ко оным управители, надзиратели, промышленники, прикащики, мастера, работники и всякого звания горные и заводские люди и припасы... в полную власть, силу, суд и расправу».

Пункт первый, озаглавленный «Чьим указом повиноваться должен, и как с кем переписываться имеет», уточнял: поскольку «Главный заводов Правитель» подлежит только «собственной» императорской власти, «никому в том деле не подчинен», то кроме «Нас самих из Нашего Кабинета и Правительствующего Сената ни откуда указов к нему не посылать», коллегиям, канцеляриям, непосредственно подчиненным Сенату, и высоким начальствам сноситься с ним промемориями; а нижним начальствам, конторам, которые подчиняются коллегиям и канцеляриям, от воевод писать доношения — «так, как в прочия коллегии писать повелено; равным же образом и оному в переписке поступать». Таким образом, Канцелярия Главного заводов правления по своему статусу приравнивалась к коллегиям, центральным органам управления.

В пункте третьем «О прибавке начальств и начальников» констатировалось, что в Канцелярии Главного правления имеются советник и два ассессора, определены горные начальства: Угорское — в Екатеринске, Пермское — в Кунгуре, Томское — в Воскресенском, Даурское — в Аргуни, в каждом из них должен быть горный судья, межевщик, казначей. Если для пользы заводов потребуются учредить новое горное начальство, то с совета товарищей и промышленников тех мест, «разсудя потребность и избрав людей к тому достойных, Нам представить и на то ожидать Нашего указа».

В пункте пятом «О сочинении законов» Татищев, являвшийся лучшим знатоком истории законодательства России своего времени, понимавший острую необходимость его совершенствования¹, воспользовался

¹ Он продемонстрировал это при формировании своей библиотеки и собрания законодательных актов в библиотеку Горного ведомства, в «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищах». В письме Шумахеру от 21 декабря 1735 г., узнав

возможностью внести в это непосредственный вклад. Отметив, что только императорская власть вправе устанавливать законы, Татищев от ее имени провозгласил возможность разработки законопроектов и в Канцелярии Главного заводов правления. При этом четко оговорил, в каких случаях это возможно: «ежели обстоятельства дела с законами не согласуют, или закон явится не ясный, что одни так, а другая иначе разумеют, или по некоторым обстоятельствам вредителен, и подлинную причину к сочинению нового закона подает». Татищев расписал всю процедуру разработки законопроекта. Начальник заводов «с товарищи должен созвать всех способных к разсуждению помощников», несколько «ближних» промышленников и их лучших приказчиков, не менее двенадцати человек, «им оное сомнительство... объявить, и по прочтении всех принадлежащих указов, по их общему мнению, например закон сочиняя, прислать для разсмотрения и определения в Наш Правительствующий Сенат» и до принятия решения «оного в действо не производить».

Татищев обратил особое внимание на то, что «в сочинении таких законов надобно законы горные других государств в пример брать», но «наиболее смотреть, чтоб всякий закон свое основание в законе естественном имел и с природою штата и порядков российских согласовал».

В шестом пункте «О даче голосов» Татищев оговорил и порядок высказывания мнений по обсуждаемому вопросу в Канцелярии. Подтверждая положение Генерального регламента о коллегиальном начале в работе государственного учреждения, Татищев подчеркнул, что правитель «во всех делах, а наипаче сомнительных, и которые могут неколико времени терпеть, должен с другими советовать их мнения, выслушав, разсудить и тогда надлежащее решение по Генеральному уставу главы 6 учинить», то есть по Генеральному регламенту.

Татищев ярко рисует бытующую практику принятия решений в учреждениях, когда «главные прежде выслушания нижних голосов свое мнение объявляют», а «нижние» из-за стеснения или страха свое мнение не высказывают, а потом в суде «отговариваются, что не они большие»; другие же при подаче мнения молчат, а «когда протокол в закрепе придет, тогда показывая себя, начинают спорить и новые доводы показывать»; некоторые же через несколько дней «дерзают противу порядка из домов своих протесты присылать, или протоколисту отдают, ища токмо других невинно опорочить».

о подготовке нового издания Соборного уложения, сформулировал девять замечаний относительно текста этого важнейшего документа и внес ряд конкретных предложений по дополнению и совершенствованию его норм [см.: Сафронова, 2012, с. 134–140, 224–246].

Поэтому от имени верховной власти еще раз подтверждалось, «чтобы в даянии голосов с низу и записке оных чрез протоколиста весьма по тому уставу поступали», и, если кто порядок нарушит или умолчит, отмечать в протоколе. В случае сомнения позволялось отложить высказывание своего мнения на день-другой, чтобы «в том деле обстоятельства и принадлежащие указы внятнее рассмотреть». Если же кто при слушании свое особое мнение не объявит, протокол умышленно не придет подписать, «после закрепы его протест не действителен и от штрафа за неправое решение обще с другими извиняться не может». Татищев предусмотрел еще один вариант: если кто поймет, что решение принято неправильное, противоречит указам, то должен немедленно представить доводы за его отмену. Не бывший при слушании дела или объявлявший свое особое мнение может и после подписи решения другими протестовать в тот же день или на следующем заседании.

Наряду с развитием положений Генерального регламента 1721 г. о порядке выражения своего мнения Татищев дополнил его нормы и по поводу устных приказов. Если этот российский закон их накрепко запрещал, то Татищев в пункте седьмом «О словесных приказах» справедливо заметил, что «при... ремесленных делах, яко при воинских правлениях, без того обойтись не можно». Но «все такие приказы надлежит тому, кто отдал и кто принял, точно того ж дня в дневальную книгу записать». Во избежание сомнений отдавший приказ должен, «подписав», передать исполнителю, «а принявший должен письменно в Канцелярию рапортовать». Оговаривалось, что этот порядок разрешался лишь «в делах малых», которые «надобно скоро сделать и сумнительства никакого не имеют».

Пунктом восьмым предусматривалась возможность подсудимому, недовольному решением нижнего суда, объявить на третий день «протестацию», в этом случае судьям полагалось дать ему «список с той выписки и приговора», закрепить ее самим или секретарю, взять сказку, что обвиняемый привезет указ о переносе дела в течение определенного срока. Сроки устанавливались следующие: на 100 верст пути «с возвратом» — неделя, на получение указа — еще две; если судьи в этот срок не уложатся, подлежат ответу и возмещению убытка. Если судья усмотрит, что в выписке что-то «проронено или невнятно рассмотрено было», в течение семи дней суд должен «перевершить», объявить причину несовершенного первого решения, и в этом случае лишаются «акциденций», то есть награждения.

Обязанностям главного правителя в отношении прихода и расхода денег Татищев посвятил десятый пункт, в котором оговаривалось, что все заводские доходы: собираемые с приписных слобод подушные деньги, средства за проданные заводские припасы, десятинный сбор с заводчиков,

пошлины с горных судов и прочие, кроме принадлежащих губернии, — поручались правителю «в полную власть». Но он обязывался употреблять их на пользу и «надлежащим» порядком: «книги правильны приходу и расходу содержать, над подчиненными в том крепко надзирать». По окончании года счет, освидетельствовав, вместе с членами правления закрепить, отправить для свидетельства в Штатс- и Ревизион-коллегию, если выявятся на ком начеты, «взыскивать без упущения».

Главный заводов правитель обязывался раз в год ездить для осмотра дальних заводов, ближние по возможности осматривать чаще, выяснять, «не явится ль в искусстве или верности начальников и мастеров какого недостатка или погрешности», с совета местных начальников и промышленников вредное пресекать, полезное выявлять и внедрять. Если не сможет сам ездить, посылать «товарищей» (пункт 19). В поездках начальник обязывался «обстоятельную каждодневную записку иметь». В пункте двадцатом «О дневных записках» оговаривалось их содержание, подробно перечислялось, что в них должно вноситься: где был, «что писал или приказал, от кого что на словах или на письме принесено, или что сам достойное памяти видел и прочее». Эту «дневальную записку» со всеми письмами и вещами требовалось отдавать в Канцелярию. Если ездили «товарищи», записка подавалась правителю, в случае нужды на заседании Канцелярии принималось общее решение по исправлению ситуации на заводах.

Глава вторая Заводского устава «О должности и власти советника», состоявшая из семи пунктов, регламентировала его права и обязанности как первого товарища и помощника главного заводов правителя. Он должен был «во всем... советом и делом помогать Правителю и по определениям прилежно в действо производить», как в шестой главе Генерального регламента «обстоятельно описано». Поскольку в этой главе регламента («О даче голосов в коллегиях») расписывалось, как решать дела, ясно, что именно на советника возлагалось руководство принятием решений на заседаниях Канцелярии. Он обязывался, если усмотрит в определениях и поступках главного начальника что-то противозаконное, народу «к ненадлежащему отягчению», по согласию с асессорами «на словах и письме ему представлять», если тот не послушает, обстоятельно доносить Е. И. В.

Пункт третий «О содержании Канцелярии» напрямую возлагал обязанность управления ею на советника. Он обязывался содержать ее «во всяком добром порядке, прилежа, чтоб дела всякия», особенно по присланным указам и доношениям от подчиненных, решались «без продолжения»; по возможности распределять дела «в письме» между асессорами, «о всяком чрезвычайном деле Главному Правителю объявлять и с ним

обще решить». Скользь упоминалось о сокращении записей в документах: «Непотребное пространство убавить и плодovито над самую нужду не писать».

В отсуствии главного заводов правителя советник должен был все дела вместо него «править и решать и к нему для известия писать», в случаях сомнительных и опасных — не решая, писать к правителю; если он далеко, писать Е. И. В и к нему для ведения. Главный заводов правитель при отъезде должен всегда оставлять советнику «наказ с довольным и обстоятельным описанием», по которому он с асессорами будет поступать. Советник обязывался объезжать казенные заводы, хотя бы раз в год съездить на каждый, людей с собой много не брать, ему с асессором — по помощнику и одного подъячего.

Глава третья «О должности асессора» была самой краткой, состояла из одного пункта. Асессоры объявлялись помощниками в Канцелярии, «ибо они должны своим трудом и советом главным их командирам помогствовать и по определениям стараться, чтоб скорее и с пользою действием исполнено было». Основную обязанность асессоров Татищев сформулировал так: «законы, уставы и указы знать, их памятовать, дела прилежно разсматривать, при докладах законы представлять и правило их толковать». Если им поручаются «в смотрение» особые дела, они должны их «как наискорее... производить и к решению в собрании представлять». Асессорам могут поручаться определенные дела или поездки, в этих случаях они должны стараться все выполнить по данному им наказу и сверх того, что в пользу усмотрят. В сложных случаях они обязывались писать главным начальникам и требовать их решения. Поэтому кандидатов в чин асессоров требовалось подбирать и верховной власти «представлять из людей, довольно ученых и в заводских делах совершенное искусство имеющих».

Глава четвертая «О должности, власти и преимуществе главного земского судьи или воеводы Екатеринбургского ведомства» была самой большой, состояла из 43 пунктов. В преамбуле статьи оговаривалось, что эта должность приравняется к власти провинциального воеводы, полномочия которого обстоятельно раскрыты в наказе губернаторам и воеводам, опубликованном 13 сентября 1728 г., но требуется пополнить их относительно «горных и заводских дел, в которых прочим губернаторам и воеводам вступать запрещено».

Устав определял границы территории и лиц, подлежащих власти земского судьи — «над всеми приписными к заводам слободами и над всеми жителями и управителями заводскими»; круг подлежащих его рассмотрению дел — «персональных и земских, то есть, в долгах, брани,

увечье, грабеже и тому подобных распрях». Разграничивалась юрисдикция земского и главного судьи в лице главного заводов правителя: «мастеров же, подмастерьев и действительных или определенных учеников и работников, которые под ведением горных и заводских правителей состоят, также всех управителей, начальников, промышленников, прикащиков и их служителей в делах горных и заводских судить главному судье, и в те дела ему земскому судье не вступать».

Главный земский судья имел в своем подчинении всех земских судей заводского ведомства, управителей и «сослужителей», обязывался подыскивать на эти должности людей достойных, письменно представлять о них в Канцелярию, «с надлежащими и достаточными наказами определять», надзирать. Таким образом, на земского судью возлагалась обязанность составления наказов для своих подчиненных. Он должен был из нижних чинов преступивших наказывать и отрешать, дворян и офицеров судить и представлять о них Главному правлению.

Пункт четвертый «О суде и законах» посвящался правовой основе деятельности земского судьи. Но начинался он с определения состава земского суда: к земскому судье полагалось «в товарищи» два ассессора, один из них — глава полиции, втроем они должны были решать дела, «общим советом и разсуждением прилежно разсматривая по законам».

Татищев, хорошо владевший законами своего времени, прекрасно знавший историю права, не мог не проявить этих знаний, составляя законопроект. Он перечислил все основные законодательные акты, которыми следовало руководствоваться при решении дел. Соборное уложение «за главнейший устав почитать», «для исправления или пополнения уложения изданным указам и уставам точно и непременно поступать», «военные же, яко морской, тако и сухопутный», сочиненные для военных людей, когда в гражданских законах чего «не учинено... точного или ясного определения не находится, то и оные брать в помощь и в приговорах по ним последовать».

При этом Татищев обратил внимание на более жесткий характер этих законодательных актов, предназначенных «для крепчайшаго войск содержания, а паче для подлого солдатства», зачастую карающих смертным приговором, поэтому предписал более следовать гражданским законам. Если «весьма согласующихся законов не сыщется», то земскому суду следовало представлять мнение в Канцелярию Главного заводов правления, а самим дела не решать.

В случае недовольства решением земского суда предоставлялось право передачи дела на усмотрение Главного заводского правления. Отмечалось, что прежде дело можно было пересмотреть только в губерн-

ском суде, отчего «заводам происходил вред и помешательство», но по именному указу от 24 апреля 1734 г. право пересмотра перешло Горному ведомству.

Примечательна оговорка: если земский судья в Канцелярию Главного заводов правления «для совета в сочинении какого закона или в другом случае призван будет, то должен в назначенное время притти, и объявля свое правильное мнение или совет, подписаться».

В пункте шестом «О пытке и казни» Татищев от имени верховной власти высказал осуждение судей, не внимавших предостережению Соборного уложения и «процесса воинского суда о пытке и казни... чтоб напрасно крови не проливать и без довольного обличения к пытке не приводить; в пытке... умеренно и благоразсудно поступать». Сформулировал положение о том, чтобы судье без известия Главного заводского правления и общего согласия никого не пытаться. Если о пытке будет вынесено определение, «в пытке поступать так, как в уложение и военном артикуле в процессах написано», к смерти осуждать при условии присутствия в Канцелярии не менее семи персон, «и сие разумеется о подлости», а дворян и лиц, «заслуживших знатные ранги», без ведома императорской власти не пытаться и чести не лишать. С сущими же ворами, особенно из ссыльных, поступать «без всякаго послабления».

Пунктом седьмым «О содержании и хранении архивы» земскому судье предписывалось иметь при себе архив, перечислялись дела, подлежащие хранению в нем: «Все писцовыя, межевыя, переписныя и тому подобныя книги и ландкарты или чертежи целым уездам, волостям, слободам, селам и деревням», причем с «обстоятельными описьюми и росписьми». Второй комплекс документов составляли «всякие законы и указы, протоколы или решения, якоже и судныя дела», то есть законодательно-нормативная база и собственно судебное делопроизводство.

Специальное внимание обращалось на обеспечение сохранности архивных документов. На уровне верховной власти Татищев попытался провозгласить ряд мер, призванных уберечь дела от уничтожения и повреждения. Предписывалось их «иметь в безопасном хранении, и для того во всех судных местах иметь каменные покои, дабы от небрежения или коварства что-либо утрачено быть не могло». Чтобы исключить «коварного оных повреждения», в помещение архива «не всякаго... допускать». В-третьих, «книги такыя, которыя за основательныя крепости почитаются, яко писцовыя и переписныя, иметь за печатью, а для всегдашяго употребления давать списки».

В последующих пунктах Татищев изложил полномочия земского судьи и упомянул его обязанности в отношении составления документов.

Судья обязывался «по переписным поголовным книгам всех приписных к казенным заводам и промышленным заводам слобод, сел и деревень... подати считать и собирать», в связи с этим следить за вновь прибывшими и, если они в подушный оклад не положены, «по довольному свидетельству» записать в оклад при том заводе, где поселились, то есть судья должен был отвечать за пополнение переписных книг не только при казенных, но и при частных заводах (пункт 8).

В ноябре или декабре, как только судья получит от Канцелярии приказ о раскладке работ на казенных заводах и роспись, сколько и когда работников или припасов от слобод нужно взять, он должен был вместе с членами горного начальства и заводским комиссаром составить росписи ближних слобод к каждому заводу для выполнения этих работ, «кому куда сподручнее». При этом смотреть, «чтоб одна слобода пред другою дальним проездом отягчена не была», если это невозможно, ежегодно менять слободы, «поровнение делать» и по тем росписям работников в назначенные места к определенному времени высылать (пункт 9).

Судья должен был следить за правильным исчислением выполненных крестьянами работ по Плакату от 17 ноября 1724 г., чтобы подушный оклад был отработан ими по ноябрь месяц. Для этого в конце октября — начале ноября от заводов и земских управителей ему полагалось «взять ведомости и те недоработанные деньги против положенного оклада собрать и отдать казначею», следить, чтобы «доимки» не перешли на следующий год; в декабре зачесть все доимки и выплатить деньги за работы, выполненные сверх подати (пункты 10–11).

Земский судья отвечал за «сбор рекрут» с приписных к казенным заводам слобод, которых по именному указу от 16 июня 1725 г. разрешалось определять в заводские работы и обучать ремеслам. Канцелярия «по генеральным расположениям» власти должна была дать земскому судье указ о сборе рекрутов и зачислении их в работы, сколько куда потребуется, с освобождением их от подушной подати, уплата денег за них возлагалась на остальных жителей слободы, в случае смерти рекрута его дети подлежали зачислению в оклад. Если помимо «генерального расположения» понадобятся люди в подьячие, ремесленники, разрешалось их «в генеральный побор зачитать» (пункт 12).

В случае приписки к заводам новых слобод земский судья по получении об этом указа обязывался «принять на те деревни с писцовых, переписных и поголовных книг от тех городов выписи», их «обстоятельно освидетельствовать и описать весь мужеск пол и женск до наималейшего младенца». На основе новых описей выяснить, есть ли недостаток людей или «прибыль» против «поголовного оклада»; вывезенных крестьян или

беглых «оставлять на губернию». Прибывших беглых, дворцовых из других сел принимать, за них платить оклад по месту их прописки. Вотчинных крестьян высылать на прежние жилища, а если они уже записаны «в поголовную перепись» в заводских слободах, за них должны были отвечать губернские власти (пункт 13).

На земского судью подобные обязанности возлагались и в случае приписки новых слобод к частным заводам. Причем если крестьяне будут недовольны раскладкой работ или их оплатой, судом заводчиков и их приказчиков, то судить полагалось земскому судье вместе с судьей горным. Все дела по воровству и разбоям в отношении крестьян частных заводов передавались земскому судье (пункт 14).

Ему же передавались воровские и разбойные дела в отношении крестьян, проживавших на землях, выделяемых на Урале дворянам — служащим заводов. В случае смерти владельца этих деревень или отнятия их по какой-либо причине земский судья должен был «немедленно послать описать и освидетельствовать: нет ли какой чрезвычайной в людях прибыли или убыли», если выявятся «старинные или купленные люди», их отдать родственникам; возратить крестьян проданных, заложенных, просроченных, выплатить из пожитков долги, для этого «те пожитки переписав, запечатать и отдать в ведение главного казначея» (пункт 15).

Ежегодно присылаемых на вечное житье ссыльных с женами и малыми детьми, кроме каторжных, земский судья должен был «расписать немедленно по заводам», удаленным от слобод, показать места к поселению без пашен, но с сенокосами. По четыре дня в неделю ссыльным полагалось быть в заводской работе за плакатную плату и платить подушную подать (пункт 16).

Хотя при заводах селиться вольным людям без паспортов запрещалось, но к заводам, расположенным вдали от слобод, разрешалось принимать пришлых дворцовых и монастырских крестьян с условием, «если они о себе точно показали: которого уезда, села и деревни и где в поголовный оклад положены». Для проверки «их покормежных» и сказок предписывалось учинить «с тем городом подлинную справку», после этого разрешить селиться при заводах, платить за них подушную подать там, где они записаны в оклад. Разрешалось принимать и шатавшихся, не попавших в подушный оклад, и беглых, если их отцы и деды числились в дворцовом ведомстве. Частновладельческие крестьяне подлежали высылке их владельцам под опасением наказания за их прием как беглых по указу 1721 г. (пункт 17).

Если вотчинные крестьяне уже были записаны в подушный оклад в заводском ведомстве, предписывалось «освидетельствовать крепости,

а именно выпись с переписных 7186, 1710, 1711, и поголовной 1722 годов», и если записаны за вотчинником, платить ему из заводской казны по 15 рублей за мужскую душу (пункт 18).

Поскольку имели место кражи прокормежных документов беглыми людьми на дорогах, их требовалось предъявлять начальникам на ближайшем заводе или в городе, на Чусовской пристани и в других местах. Начальники должны были освидетельствовать: схожи ли приметы, написанные в документе с явившимся, срок отпуска для прокормления не должен был превышать три года, установить, нет ли «в числах, времени, имени, отчестве, прозвание и приметах чищения и переправки». Если ничего сомнительного не выявлялось, полагалось подписать документ, запечатать в той канцелярии и отдать владельцу, с которым он волен наниматься, где захочет. Если в прокормежной отсутствовали приметы, полагалось такой документ изъять, выдать из канцелярии «прохожую в дом», где указать, что это лицо как «подозрительного, нигде не принимать и не держать». Явившихся без документа или с переправкой его или не соответствующих приметам полагалось брать под караул, допрашивать, если не оправдаются, начинать розыск «и указ чинить» (пункт 24). Так же полагалось поступать и с чужеземцами, назвавшими себя поляками, шведами, с младенчества жившими в России, если на «прежних» жилищах они оказывались неизвестны (пункт 25).

Если беглый показывал, что жил на частном заводе без паспорта, а промышленник в том не признавался, земский судья обязывался взять показания у товарища, с которым беглый работал; «свидетельствовать по записным работников книгам» и его товарищей допрашивать: тем ли именем назвался, «в книгах столько ль числом и все ль паспортные у тех работ записаны». Поскольку назначенным от казны шихтмейстерам поручалось составление записных книг пришлым на работы людям, они были «должны накрепко смотреть, чтоб без правильных покормежных» промышленники крестьян не принимали, так же как и начальники на казенных заводах и в слободах крестьяне. Если земский судья о таком преступлении узнает, должен сразу писать в земское управление, переложить таких и сослать (пункт 28).

Пунктом тридцать первым «О сборах, принадлежащих до губерний» устанавливалось, что заводской казне принадлежат сборы за проданные металлы и минералы, судные пошлины и т. п., прочие же: «яко поголовные (подушные деньги. — *прим. авт.*) и ясашные со всех обывателей, раскольниковские, таможенные, кабацкия, мельничные, банные, за земли и воды откупные и оброчные с земских судов крепостные, печатные и прочия тому подобныя пошлины, что не от заводов приходит» подлежат ведению

губернии. О них «обстоятельные рапорты надлежит посылать в губернию... и в расход без ея указа никуда не держать».

Глава пятая «О должности Главного Казначей и о его способности» имела 27 пунктов, еще два были добавлены в ходе обсуждения устава членами Главного правления. В преамбуле главы формулировались требования к личности, занимавшей такую должность: она дается «человеку трезвому, верному и прилежному в заводских порядках, а наипаче в счетах довольно искусному и благоразудному... в совершенных летах и к правлению своего дела способному», он получал ранг и жалованье сухопутного капитана и «первенство пред горными судиями и заводскими комиссарами».

Главный казначей имел в своем ведении приход и расход денег и припасов, должен был их принимать и хранить; «правильно и порядочно» в соответствии с именными указами в приход и расход записывать; на всех заводах надзирать, чтобы «ни коего опущения и беспорядка, наипаче же хищения и непотребной траты не было»; в Главное правление «доносить, при слушании и толковании свое правдивое мнение давать и когда от него потребуется, в том обще подписаться повинен» (пункт 2).

Для помощи в счетах ему полагались: два надзирателя при каждом горном начальстве, один казначей и бухгалтер; при каждом заводе у прихода-расхода денег — подканцелярист, для приема припасов — целовальники с довольным окладным жалованьем. Он должен был приискивать этих людей и представлять письменно в Канцелярию Главного правления и над ними надзирать (пункт 3).

Пунктом четвертым «О приходах окладных» главный казначей объявлялся в начале каждого года составить книгу долгов по уплате окладных денежных доходов, установленных с приписных слобод партикулярных заводов. Татищев подробно расписал порядок составления такой книги: на левой странице указать имя каждого должника, кратко — «оклад или надлежащее ко взятю написать», если «деньги, по разным обстоятельствам, взяты быть имеют, то писать каждое порознь, статья под статьею на странице его имени, объявля о каждом, откуда оное взято». Доимку на слободах «писать в начале и потом все оныя статьи сложить, на другой же странице против того писать приход от онаго места или человека, тако ж краткими статьями, объявляя, в которой статье в приходной книге оное записано». Деньги, «заработанные же слободами, вписывать в приход и расход помесечно под теми слободами... тако ж ежели от кого взятые будут припасы за долговья или окладныя деньги, то подписывать под их же имена, объявляя, где в приходе оныя записаны». Если на ком штраф, доимка или долг на начало года будет показан вновь, то имя должника по-

лагалось вносить на особую страницу, если сумма мала и может быть заплачена разом, то на одну страницу разрешалось вносить по два-три имени и против того записывать приход, «для чего оставлять порозжих местов число довольное». И в сборе всех этих штрафов, доимок «иметь крайнее прилежание, опасаясь, ежели что слабостию его упущено и потеряно будет, оное он повинен будет своим наградить», то есть возместить из своего жалованья. В начале года главный казначей должен был получить от земского судьи «известие, с которой слободы сколько на тот год по окладу взять и на котором заводе оной зарабатывать надлежит».

Пунктом пятым (ошибочно обозначенным как шестой) «О приходной главной книге» предписывалось всем «вышеобъявленным, так и всяким чрезвычайно за продажные припасы, чрез вексели и другими обстоятельством полученным деньгам, иметь главную книгу», в ней «записывать с подряд статью без разставок», в статьях указать: «от кого и по какому указу или письменному известию принято и где то доказательство», если по долговой книге, то указать ее страницу. Для лучшего же порядка рекомендовалось иметь «особно памятную книгу, как о том надзирателя[м] работ партикулярных обстоятельно описано», то есть в наказе шихтмейстеру.

Пунктом шестым «О вычете на богадельню и лекарства и пошлина с горных судов и печатных» предписывалось: «При даче каждого жалованья, каким бы образом оное ни было, годовое, месячное или мастерам заработное, должен вычитать на содержание богадельни и лекарства по одной копейке у рубля», если дача меньше рубля, то брать от полуполтины и ниже по полушке. «При перемене чином», если жалованье дается больше 30 руб., «удерживать после пожалованья первый месяц», и эти вычеты «записывать в приход и расход на содержание аптеки и богадельни особно и в рапортах их с прочими не мешать». Также пошлину с судов горных и «печатных с челобитчиков» писать отдельно.

Пятнадцать следующих пунктов главы посвящались вопросам взимания десятины с частных заводов в пользу государства. Пункт шестнадцатый «О репортах с промышленничьих заводов» касался оформления документации об этом. Главный казначей «о сделанных и заготовленных припасах и расходе денег» должен был получать с частных заводов рапорты по третям года и по ним «как в десятине, так и пошлин, с ними счета содержать». В случае сомнения в правильности данных надлежало послать на завод члена казначейской конторы и «книги освидетельствовать». Если в них «явится неисправность и сущее коварство», то промышленника или его приказчика и шихтмейстера, назначенного от казны для контроля за этим заводом, предписывалось «взять в ближайшее начальство

и исследовать». Если выяснится, что десятину или пошлину кто-то из них утаил, надлежало взять «со всего утаенного вдвое, по акциденции против суда».

Расход денег главный казначей обязывался «содержать правильно и порядочно», «без указа расход на счет» не принимать. Поскольку «расход есть на разных заводах в дальнем разстоянии и каждый казначей или расходчик собственныя свои книги содержит», и им деньги нужны для расхода, главный казначей в начале года должен был составить смету, сколько денег нужно на каждый завод, и то число денег показать или ассигновать (пункт 17).

В целях упорядочения заготовки припасов, необходимых к следующему году, «канцелярских, заводских и горных», казначей должен был получить от Главной канцелярии в октябре, по крайней мере в ноябре известие и стараться купить настоящей ценою без передачи на ярмарке или где «за наилучшее разсуждено будет», чтобы недостатка в припасах не было, но и без излишества. Если понадобится какие-то припасы подрядить купить или немалые казенные в долг продать, то главный казначей должен был поступать «во всем по Адмиралтейскому уставу», главе шестой, а торги заключать по «Камер-Коллежскому Уставу» (пункты 18–19).

Пункт двадцатый посвящался оформлению расходной окладной книги. В ней предписывалось фиксировать размеры окладов каждого лица: на каждой странице писать имя, под ним подписывать данные о годе и числе, когда какой оклад установлен, что из него надлежит вычестъ на лекарство и прочее; что за прошлый год осталось недоплаченным; по прошествии каждой трети года выдавать заработанные деньги, «не требуя доношений и выписок». Каждый работник под своим именем должен был подписаться, указав сумму полученных денег и дату их получения. В случаях прибавки жалованья, установления «вычета», дальней посылки, смерти, безвестной отлучки в день получения известия об этом в книгу должна была вноситься соответствующая запись.

Пункт 21 «О расходной главной книге» предписывал все основные расходы вести в соответствии с уставами Адмиралтейским и Камер-коллегии: чтоб каждая расходная книга с начала года была переплетена, имела казенную печать, на первом и последнем листах руками членов начальства была закреплена, «число страниц, как перемечены, объявлено было». Далее подробно расписывался порядок заполнения книги: по каждой статье расходов полагалось указывать дату выдачи денег, кому, по какому указу, сколько; под этой записью иметь расписку получателя. Разъяснялось, как располагать данные о денежных суммах: «статью под статьею писать без разстановки, скребенья, маранья и чищенья». В случае описки

слово полагалось подчеркнуть и ниже написать правильно. В отношении росписи сумм, выданных за покупку припасов, делалась отсылка к уставам Адмиралтейской и Камер-коллегии.

Согласно пункту 22 «О памятной книге и росписках» такая книга должна была вестись, как и приходная; в начале ее «для скорого прииска имен, как людей, так заводов и припасов» полагалось иметь «алфавет».

В пункте 25 «О репортах» излагался порядок составления рапортов о приходе-расходе денежных сумм и подачи их вышестоящему начальству. Такие рапорты должен был получать главный казначей от своих подчиненных и сам подавать в Главное правление. Констатировалось, что «рапорты сочиняются весьма пространны, так что сочиняющие из того великий труд имеют», тратится много бумаги, которая привозится издалека, поэтому нормами Заводского устава Татищев попытался узаконить новшества, которые частично уже были введены в заводскую практику Канцелярией Главного заводов правления по его инициативе: 1) о получении указов, хоть о десяти, доставленных первой почтой, составлять один рапорт, на одном листе; 2) об исполнении этих указов рапортовать ежемесячно, «купно при репорте о приходе и расходе», за исключением случаев, когда об исполнении указа требовалось рапортовать «на первой почте»; 3) в месячных рапортах о деньгах показывать суммы, оставшиеся от предыдущего месяца, «потом приход порознь»: деньги, взятые со слобод, за продажу припасов, штрафные, вычет за госпиталь и т. д.; затем расход: жалованье работникам слободским, наемным, на лекарства, богадельни, покупку припасов, отпуск денег в другие места; «напоследок остальное наличное: в одной доимки, и долги в одной, за тем, что должен оный завод в одной же статье»; 4) рапорты по третям года отменялись, «ибо из тех же месячных довольно видеть можно», годовой же рапорт «должен быть обстоятельный»; 5) рапорт «требования», что нужно подготовить к следующему году, должен подаваться в первых числах ноября, чтобы заблаговременно можно было выделить средства и сделать приобретения на ярмарках.

Для удобства составления годовых рапортов предписывалось закончить заполнение приходно-расходных книг на заводах 24 декабря, а с 8 января начинать новые книги, в случае нужды делать соответствующие записи «в памятную книгу» нового года, «потом все оные в книгу внести порядком» (пункт 26).

В пункте 27 «О сочинении и свидетельстве счетов» разъяснялось: счета по каждому заводу расходчик составляет в январе, начальник свидетельствует, в феврале передает казначею соответствующего горного начальства, который с бухгалтером свидетельствует с подлинными

приходными и расходными книгами, указами, подписывает и отправляет главному казначею. Приходные же и расходные книги казначей горного начальства, дав расходчику обстоятельную записку, передает с описью на хранение в архив, «дабы впредь для приключившагося спора или сумнительства были в готовности», памятные же книги и указы должны были оставаться при заводах «для справок».

Главный казначей присланные счета из горных начальств с ревизорами или содержателями счетов свидетельствует, если в них все правильно, подписывает и передает в архив Горного ведомства; на основе всех счетов он составляет «генеральные три счета» и в июне месяце подает в Канцелярию Главного правления. Один из них остается в Канцелярии, один отправляется в Сенат, один за подписью всех членов Правления отдается главному казначею. В случае сомнения в правильности счета главный казначей должен задержать выдачу жалованья расходчику, если «сомнительство велико», то заблаговременно взять по нему поруки или арестовать имение. Если счет будет правильным, то расходчик ежегодно должен был получать квитанцию за подписью всех членов Правления. Два дополнительных пункта, внесенных при обсуждении Заводского устава, вопросы делопроизводства не затрагивали.

Глава шестая «О должности главного горного межевщика или Обер-маркшейдера» расписывала его обязанности в пятнадцати пунктах. Ему были подчинены горные межевщики, лесные надзиратели, геодезисты и школьные учителя. О всех делах, касающихся их, главный межевщик должен был подавать в Канцелярию «обстоятельные известия»; иметь «правильные плоские прорезные чертежи» каждой рудокопии, где руда располагается слоями или жилами, с обозначением признаков руды, укреплений; мест, где запрещалось копать, где велись работы в текущем году; по прошествии года назначать новые места выработки. Один экземпляр чертежа главный межевщик должен был хранить у себя, другой — в Канцелярии (пункты 1–2).

Главному межевщику полагалось «довольное искусство, прилежание в сочинении правильных ландкарт иметь всех тех провинций и уездов», которые находятся под властью Горного ведомства; «в них все к пользе заводов надлежащая обстоятельства, яко горы, реки, озера, болота, леса и всякия селения правильною мерою географического назначены и описаны быть должны». В Перми, где леса используются и соляными промыслами, главный межевщик должен был с «соляным надзирателем» следить за их рубкой и «бережением», вместе эти вопросы «описать» в наказе лесным надзирателям (пункт 7).

Поскольку все школы Горного ведомства передавались в ведение горного межевщика, ему полагалось «всех начальников, служителей, мастеров и всякаго звания заводских жителей, детей их мужеска пола от 6 лет, а по состоянию младенца и ранее, кроме крестьян, брать и записав у себя определять в школу, которая ближе... по временам росписать, когда учиться и гулять имеют», следить за порядком преподавания, за обеспечением школ всеми припасами. Таким образом, при горном межевщике должно было формироваться школьное делопроизводство, в декабре 1735 г. в составе Канцелярии было создано школьное повытье и впервые в Горном ведомстве стали формироваться «школьные книги» — дела, в которых начали сосредотачиваться комплексы документов, касающихся школ.

Глава седьмая «О Докторе Медицины или Берг-физики» регламентировала обязанности первого доктора, появившегося при уральских заводах с осени 1734 г. Пункт первый гласил: «Его власти подлежат лекари, аптекари, пробователи с их учениками, работниками и прочими при том служители», их доктор должен был выбирать и в Главное заводов правление представлять, за ними надзирать. Вследствие этого доктору полагалось подавать доношения в Правление о всех делах, касающихся этих лиц и сфер этих сторон заводской жизни.

При подчиненных ему учреждениях должна была формироваться своя специальная документация. В пунктах устава, касающихся аптеки, оговаривалось, что аптекарь должен иметь «обстоятельную роспись по алфавиту» принадлежащих ему «сосудов, инструментов и машин», вносить в нее «прибылое», отмечать «убылое» с указанием, когда и от кого получено, в связи с чем убыло (пункт 2). Иметь «обретающимся лекарствам обстоятельный каталог... и оным настоящую цену положить» (пункт 5). Аптекарю полагалось ежегодно весной сочинять «каталог, какие травы, коренья и прочия материалы в тамошних местах находятся, в которые времена что собирать», дабы уменьшить заказ привозных лекарств. Примечательно указание Татищева: «ежели что чрезвычайно полезное изобретет, в Медицинскую Коллегию писать». «Особливый каталог» полагалось иметь в отношении отсутствующих лекарств и материалов, подавать его заблаговременно в Канцелярию для заказа в главную столичную аптеку или выписывания через купцов из других мест (пункт 4). При отпуске лекарств на другие заводы в посылаемых при том каталогах сообщать, «из чего и по которому рецепту оные составляваны», а где лекари неблагонадежны, указывать, при какой болезни, сколько и когда конкретное лекарство употреблять, как его хранить (пункт 6).

Лекарям должна была вручаться от заводского правления «роспись» людей, которым полагалась бесплатная выдача лекарств; в случае болезни

начальник должен был прислать больного в госпиталь при рапорте, а лекарь — «иметь записку, кто сколько дней какою болезнию скорбел и что лекарь ему издержано» (пункт 7). Лекарям и их ученикам полагалось «иметь записку, в котором больном какую перемену усмотрят и о том доктору репортовать». О вылечившихся надлежало подавать их начальству «письменное известие». О случаях чрезвычайных предлагалось сообщать Главному правлению, а также в Медицинскую коллегию и Академию наук «при надлежащем помесечно репортовать» (пункты 9–10). Именно доктор, под контролем которого шло обучение лекарских и аптекарских учеников, должен был свидетельствовать приобретенные ими знания и умения и представлять Главному правлению о повышении им жалованья (пункт 13).

Новые документы должны были появиться в лабораториях металлургии, при которых полагалось организовать кабинеты с образцами руды, каждый из которых имел бы особый номер и «описание, когда, кем, где найдена и что в себе содержит», а также «особливую с такими же обстоятельствами записку в книге иметь» (пункт 15). Специальную записную книгу предлагалось вести в отношении находок дивных руд, камней, древностей, их «собирать и хранить особо и в Нашу Академию Наук по части не весьма малой с обстоятельным известием присылать» (пункт 16).

Вторая часть Заводского устава должна была регламентировать действия и обязанности нижестоящей заводской администрации, ее второго эшелона. Она имеет лишь главу вторую «О должности заводского Комиссара или Обер-Гиттенфервальтера». Правильность наших суждений в отношении состава второй части подтверждают и примечания Татищева на «Табель рангов»: в апреле 1735 г. он сообщал в центр: «Вместо старших шихтмейстеров положены надзиратели припасов, понеже их должность при заводах надзирать в приеме и расходе припасов. А младшие надзирают токмо над работами. И по сему каждого должность во второй главе сочиняющегося устава опишем обстоятельно» [Татищев, с. 190]. Как уже отмечалось, вторую часть устава, то есть обязанности нижнего эшелона заводской администрации, Татищев предполагал расписать вместе с советником А. Хрущовым, но эта часть законопроекта так и осталась незавершенной.

Единственная глава вторая, посвященная заводскому комиссару, состоит из одиннадцати пунктов. В наказах заводскому комиссару 1721 и 1723 гг. Татищев уже сформулировал основные положения об обязанностях этого должностного лица и ведении делопроизводства. Наказ 1723 г. продолжал действовать, на него постоянно делались ссылки как на руководящий документ на заседаниях Канцелярии Главного заводов правления,

что фиксировалось и в протоколах за 1735 г. В главе закреплялось положение о том, что заводскому комиссару заблаговременно, в октябре месяце, нужно было со всех подчиненных заводов собрать ведомости: каких припасов и сколько людей нужно к работам, рассмотреть их данные вместе с членами Горного начальства, вынести определение, дать знать о необходимых покупках казначею, а о людях — земской конторе, проследить исполнение (пункт 3). Комиссар должен был иметь списки «уставщикам, мастерам, подмастерьям, ученикам и работникам окладным» с указанием, когда и откуда каждый взят к ремеслу, с каким жалованьем; в его власти было назначение на вакантные должности уставщиков и мастеров (пункт 4).

Заводской комиссар по уставу получал право надзора наряду с казенными и над частными заводами на подведомственной территории, право представлять в горное начальство о всех неисправностях на них (пункт 5). Особое внимание он должен был уделять процессу плавки металлов и, если горное начальство в отношении его представления не реагировало, сообщать «обстоятельно» в Главное заводов правление. Вместе с главным межевщиком заводской комиссар должен был, «общим соглашением определяя», доносить в Правление «о потребных же к заводам дорогах и мостах, тако ж об отводе к наступающему году лесов и потребных из школы учеников для определения к делам» (пункт 6).

Комиссар обязывался: все счета казенных заводов по приходу-расходу припасов свидетельствовать в конце года, сверять с прихода-расходными книгами, остаточными припасами; закрепив счетные выписки, отсылать их главному казначею, заводские приходные книги с описями сдавать на хранение в архив начальства или завода. В случае покупки большой партии припасов для заводов или продажи изготовленных «великим числом», комиссар должен был присутствовать при этом, вместе с членами горного начальства крепить договор (пункты 8–9). В случае нужды кому-то из заводского начальства служителей перестроить, достроить что-то за свой счет, полагалось «всему тому иметь записку как у казначейских, так и заводских дел, кому что сделано или продано» (пункт 10).

Таким образом, всю первую часть Заводского устава и одну из глав второй части Татищев разработал сам, в мае 1735 г. эти главы были обсуждены на заседании Канцелярии Главного заводов правления и отправлены на утверждение верховной власти. В этом документе наряду с регламентацией прав и обязанностей должностных лиц коронной администрации большое внимание было уделено и вопросам организации делопроизводства, расписаны разновидности документов, составлявшихся

тем или иным должностным лицом, порядок их составления, адресаты и сроки подачи. Особое значение придавалось оформлению прихода-расходных документов, касавшихся заводских припасов и денежных средств.

Горловский М. А., Павленко Н. И. Материалы совещания уральских промышленников 1734–1736 гг. // Исторический архив. 1953. Т. 9. С. 5–155.

ГАСО. Ф. 24.

Дерябин А. Ф. Историческое описание горных дел в России с самых отдаленнейших времен до нынешних // Высочайше утвержденные доклады и другие сведения о новом образовании горного начальства и управления горных заводов. Ч. 1. СПб., 1807.

Заводской устав Татищева // Горный журнал. 1831. Кн. 1. С. 1–22; Кн. 2. С. 174–197; Кн. 3. С. 332–349; Кн. 5. С. 163–179; Кн. 6. С. 331–344; Кн. 7. С. 1–14; Кн. 8. С. 145–157; Кн. 9. С. 315–328; Кн. 10. С. 1–16.

Киселев М. А. К истории «Заводского и Горного устава» В. Н. Татищева // Восьмые Татищевские чтения: Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 2010. С. 26–29.

Козлов А. Г. В. Н. Татищев и заводское строительство на Урале (Некоторые наблюдения по документальным материалам) // Материалы к биографии В. Н. Татищева : доклады на секциях ученого совета. Свердловск, 1964. С. 68–78.

Козлов А. Г. Фонд «Уральское горное управление» (1719–1917 гг.) как основной источник по истории казенных заводов и фабрик Урала // Из истории заводов и фабрик Урала. Вып. 1. Свердловск, 1960. С. 14–29.

Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. : Промышленная политика и управление. М., 1953.

Попов Н. А. В. Н. Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия. М., 1861.

Сафронова А. М. В. Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга: опыт исторической реконструкции. Екатеринбург, 2012.

Сафронова А. М. В. Н. Татищев и горнозаводские школы Урала (1730-е гг.) // Уральский исторический вестник. 1995. № 2. С. 40–51.

Татищев В. Н. Записки. Письма. 1717–1750 гг. М., 1990.